

РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ БОЛЬШЕВИКОВ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

THE RELIGIOUS QUESTION IN THE POLICY OF THE BOLSHEVIKS IN THE EARLY YEARS OF THE SOVIET GOVERNMENT

*N. Belikova
K. Chikaeva*

Summary: The article is devoted to the religious aspect in the policy of the Bolsheviks in the early years of the Soviet government. The relevance of the article is since it examines an extremely important aspect of the relationship between state power and the largest spiritual institution in society, which was the Russian Orthodox Church (ROC). The purpose of the study is to reveal the nature of the relationship between the political power that has existed in Russia since October 1917 and the ROC, to show the influence of its policy on the state of the religious issue in Russia in the early years of the Soviet government. The authors show the incompatibility of the ideology of the new political government and its current policy with the principles on which the Russian Orthodox Church and its followers in Russian society have existed for a long time. During their research, they consider the internal political actions that the Bolsheviks carried out in order to eliminate the religious issue.

Keywords: society, public consciousness, religious values, new government, Russian Orthodox Church (ROC), Bolshevik government, revolution.

С самого начала после прихода к власти большевистского правительства было очевидно, что идеология марксизма практически никак не соотносится с традиционным вероучением православной церкви, которое преобладало в царской России до революции. Конфликт между двумя мировоззрениями – революционным, рационально-марксистским, атеистическим и традиционными религиозными представлениями большинства российского населения наметился очень скоро. После октября 1917 г. в России установилась совершенно другая власть, которая поставила перед собою ранее невиданную задачу: разорвать все установившиеся на протяжении веков культурные связи и традиции и создать совершенно новую пролетарскую культуру, интернациональную по своему характеру и решительно отмежевывающуюся от традиционной российской культуры. В результате должен быть построен совершенно новый мир, не связанный с существовавшей ранее тысячелетней российской культурой. Чтобы добиться этого, большевики решили упразднить то, что спаивало российский народ в целостную единую общность, а именно: Русскую

Аннотация: Статья посвящена религиозному аспекту в политике большевиков в первые годы существования советской власти. Актуальность статьи обусловлена тем, что в ней рассматривается чрезвычайно важный аспект взаимоотношения государственной власти и крупнейшего духовного института в обществе, которым являлась Русская православная церковь (РПЦ). Цель исследования заключается в том, чтобы раскрыть характер взаимоотношений политической власти, существующей в России с октября 1917 г., и РПЦ, показать влияние ее политики на состояние религиозного вопроса в России в первые годы существования советской власти. Авторы показывают всю несовместимость идеологии новой политической власти и ее текущей политики с принципами, на которых длительное время существовала Русская православная церковь и ее последователи в российском обществе. В ходе своего исследования они рассматривают те внутривластные действия, которые большевики проводили в целях ликвидации религиозного вопроса.

Ключевые слова: общество, общественное сознание, религиозные ценности, новая власть, Русская православная церковь (РПЦ), большевистское правительство, революция.

православную церковь, которая на протяжении веков придавала российскому обществу необходимое единство и консолидацию. Поэтому большевики в первую очередь нанесли удар по православной церкви.

Необходимо отметить, что с началом революционных потрясений православная церковь пыталась сохранить более-менее приемлемые и конструктивные взаимоотношения с новой государственной властью в России. Конечно, большинство ее служителей, а также руководство считало данную власть абсолютно безбожной и сатанинской. «Ежегодно доходят до нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чем не повинных людей, и даже на одре болезни лежащих, виновных только в том, что честно выполняли свой долг перед Родиной, что все свои силы полагали на служение блага народного» [6, с. 74–76]. Поэтому опасения большевистского правительства относительно той роли, которую продолжала играть православная церковь в российском обществе, строго говоря, были не вполне беспочвенны.

Но церковное начальство всячески предостерегало последователей РПЦ от желаний активно противостоять новой власти, от связи с некими оппозиционными группировками и силами по отношению к ней, от противодействия ее мероприятиям, проводимым на местах и вообще от любого конфликта с ней. В разъяснениях церковного начальства в данный период прямо указывалось на то, что любая власть, установившаяся в стране, – власть от Бога, и раз уж ему было угодно установить такой политический режим в России, то ни в коей мере не следует противодействовать ему или активно сопротивляться его нововведениям. «Уклоняйтесь от участия в политических партиях и выступлениях. Повинуйтесь всякому человеческому начальству в делах мирских. Не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрения советской власти. Подчиняйтесь ее велениям, поскольку они не противоречат вере и благочестию» [8].

Они также призывали всемерно подчиняться новому начальству в мирских делах и не подавать никаких поводов власти для осуществления ею политических репрессий либо гонений на церковь. Церковнослужителям предписывалось на местах осуществлять определенную обрядовую деятельность, вести церковные дела так, чтобы они никак не затрагивали интересы новых властей. При этом сами по себе обряды и богослужебная деятельность никак не должны были становиться инструментом, с помощью которого демонстрируется политическая позиция, не иметь никакого политического подтекста и не идти вразрез с организационными установлениями новой власти.

В целом же церковь по отношению к большевикам занимала достаточно умеренную и лояльную позицию. Вместе с тем даже такая относительно лояльная позиция совершенно не устраивала большевистское руководство, которое видело в церковной организации свою соперницу в борьбе за умы и сознание граждан новой России. Большевики любым путем пытались ослабить церковь и свети ее влияние в обществе к минимуму. Поэтому очень скоро в большевистской партии возобладала политическая линия, направленная на разрушение традиционной церковной организации и сокращение ее влияния до минимальных пределов.

Причем дело не ограничивалось только лишь политическими преследованиями церковных иерархов или прямыми репрессиями по отношению к ним. Большевики стремились всячески расколоть Русскую православную церковь, внести в ее среду раздор и противоречия и этим добиться снижения ее значения в обществе, низведя ее фактически до мелкой незначительной организации, занятой своими проблемами и потерявшей всякое влияние на народные массы. Отсюда движение обновленцев в РПЦ, которое всемерно поддерживалось действующей властью, появление в церковной среде

разнообразных раскольников, реформаторов, которые всячески стремились ослабить изнутри единую церковную структуру и вызвать внутри нее разлад и многочисленные конфликты.

Все эти наметившиеся противоречия в значительной мере, конечно, отвлекали церковь от ее внутренних дел, направленных на сохранение своего места и роли в российском обществе, а также от возможности реализации того духовного идеологического потенциала, который в этот период у нее, безусловно, имелся. Часто церковные власти вместо того, чтобы укреплять собственное единство и заниматься нуждами верующих, были вынуждены тем или иным способом отвечать на действия большевистской власти, принимать какие-либо решения и меры, связанные с ее давлением на православное духовенство, церковную организацию и православное сообщество по всей России. Так, например, священники и прихожане одного из приходов г. Костромы в своем обращении в Совнарком от 22 февраля 1920 г. заявляли: «Пора же, наконец, и на местах лицам, заведующим отделами по отделению Церкви от Государства, понять, что физическое стеснение в религиозной области ведет не вперед, не к лучшей жизни, а возвращает назад, к диким временам» [4].

Данные мероприятия, проводившиеся по отношению к РПЦ, неприкрытое давление на нее, различные репрессивные меры, осуществляемые большевистскими властями в отношении к церковной организации и ее служителей, в определенной степени все же способствовали радикализации православного сообщества, и среди последователей РПЦ в России находилось немало сторонников активных оппозиционных действий по отношению к новой власти, а также тех, кто считал ее сатанинской, дьявольской силой, чья деятельность направлена на разрушение России и ее полную ликвидацию. В церковной среде, конечно, существовали люди крайне оппозиционных взглядов по отношению к советской власти. Так, в частности, на одном из заседаний Всероссийского Церковного Поместного Собора один из докладчиков выступил со следующим призывом: «Лучше кровь свою пролить и удостоиться венца мученического, чем допустить веру православную врагам на поругание» [2].

Но все же таких бескомпромиссных противников новой власти было в общем числе верующих относительно небольшое количество. В то же самое время положение для церкви осложнялось тем, что количество ее активных последователей в российской провинции не было столь велико, как об этом можно было бы подумать. Формально в русских провинциях империи проживало исключительно православное население, представители которого теоретически являлись преданы традиционному христианскому вероучению. Но на самом деле

число истинных приверженцев церковной религиозной доктрины в российских регионах было не так уж велико. В основном широкие массы населения России ограничивались обрядовой, ритуальной стороной церковного вероучения. Людей искренне и по-настоящему верующих в их среде было меньшинство. Так, например, в российской глубинке в Омской епархии местные архиереи сообщали, что ситуация здесь после революционных событий 1917 года коренным образом изменилась, и вверенное им «население хотя и религиозно, но почти исключительно в обрядовом направлении..., в том направлении, которое мало касается духа, слабо затрагивает сердце...» [3].

Широкие массы населения России считали, что для повседневной жизни достаточно лишь каких-то ритуальных прописываемых церковными властями действий, и в этом случае человек уже будет считаться истинно верующим и православным. Глубокие религиозные чувства большинству населения в российской провинции и особенно в столицах были неведомы, все ограничилось некоторым соблюдением обрядов, участием в церковных праздниках, исполнением формальных, ритуальных действий, которые обычный человек уже не соотносил с сакральной, священной стороной вероучения и выполнял практически механически, как нечто обыденное, связанное с повседневной жизнью и бытом. Больше того, в среде самих священников и церковных иерархов не так уж часто встречались истинно верующие люди, безусловно преданные тем идеям и принципам, на которых основывалось православное вероучение и которые бы в своей повседневной жизни являлись бы наглядным примером для подражания для своей паствы. Там же, в Омске, представители православного духовенства отмечали, что по-настоящему образованные священники являются в епархии большой редкостью и что в ней ощущается острая нехватка подготовленных образованных кадров священнослужителей. Священников, способных добросовестно и на должном уровне исполнять свои обязанности, констатировали они, не более 6–7%. Поэтому в данной местности очень сложно найти достойных кандидатов в священники, и приходится возводить в сан людей мало подготовленных, которые преследуют при этом зачастую корыстные, материальные цели. Кроме того, они отмечали, что священнослужителей епархии охватила боязнь активных действий из-за давления со стороны власти, что фактически привело к прекращению в епархии всякой религиозной проповеди, в то время как при наличии подготовленных кадров она могла бы проводиться [3].

К тому же в данный период широкое распространение в российской общественной религиозной жизни получило сектантство, которое привлекало в свою среду все больше последователей. Также из Омска в рассматриваемый период церковное начальство сообщало,

что интерес, к вере, который наблюдается у некоторого количества местного населения, часто приобретает необычные формы, которые выражаются в широком пространстве в губернии разнообразных, в первую очередь протестантских, сект баптистского толка. Причина этого, по их мнению, заключалась в неустойчивости религиозных представлений населения, его дезориентации, в плохой его осведомленности в вопросах веры [3].

Нет нужды говорить, что религиозные идеи и представления сектантов совершенно не соответствовали православному вероучению и никак не соотносились с теми идеями и принципами, на которых основывалась Русская православная церковь. В данном контексте в рассматриваемый период значительно активизировались раскольники и старообрядцы самых различных направлений, а также сторонники разнообразных ересей и учений, альтернативных официальному православия. Больше того, значительная часть сектантов, раскольников и старообрядцев приветствовала происходящие революционные изменения и с определенным сочувствием относилась к новой государственной власти. Так, получившее в первые годы советской власти церковное движение «обновленчества» представляло в этот период серьезную конкуренцию официальному православию, в связи с чем раскол в православной среде существенно углубился. К примеру, в заявлении, составленном 25 апреля 1923 г. прихожанами села Максимовки Тамбовской губернии местным властям, сообщалось о сильнейшем давлении церковного руководства обновленческой «Живой церкви» на приходскую общину с целью недопущения среди прихожан распространения религиозных идей, альтернативных «обновленческим», и о таком контроле, которого, по их словам, не было даже и при царизме. В письме-заявлении сообщалось, что священнослужители-обновленцы ведут себя в приходах как полновластные хозяева, управляя авторитарными методами и ни считаясь с пожеланиями и нуждами местного населения. Выход из такой ситуации прихожане видели реже всего во вмешательстве светских властей в религиозные дела для немедленного урегулирования всех имеющихся разногласий. Они констатировали распространение так называемого «поповского насилия» над верующими и требовали от новой власти в законодательном порядке определить их права. Только в этом случае, по их мнению, в стране воцарится полная религиозная свобода и равенство, и народ будет освобожден от насильственного воздействия недобросовестных священнослужителей [5].

Между тем сами по себе революционные события, происходившие в стране с начала XX века, та общественно-политическая ситуация, которая сложилась в русском обществе в предреволюционный период и последующий за ним период революционных потрясений, фактически разрушительным образом подействовали

на традиционное мировоззрение и религиозное сознание населения России. Многие представители самых широких народных масс были дезориентированы и потеряли всякую ценностную и мировоззренческую опору. Так, например, Н.А. Бердяев в своем знаменитом труде «Философия неравенства» недвусмысленно определил антирелигиозный характер революционных потрясений в бывшей Российской империи: «Ныне торжествуют в мире те, которые хотели бы или совершенно опрокинуть христианство, или извлечь из него революционные выгоды, выгоды социалистические и анархические» [1, с. 480].

Произошедшие в стране революционные потрясения, крах верховной императорской власти, разрушение всей структуры традиционного общества оказали колоссальное воздействие на население России. Они во многом подорвали те религиозные основы и традиционные морально-нравственные ценности, на которых и базировалось учение Русской православной церкви. В русском обществе наблюдалось определенное разочарование в религии и во всех других традиционных скрепах, объединяющих российский социум. На эту масштабную дезориентацию сознания в рассматриваемый период неоднократно обращали внимание представители российского духовенства и люди, искренне сочувствующие и верующие православной церкви. Так, например, известный писатель, публицист того времени В.В. Розанов писал: «...церковь разбилась еще ужаснее, чем царство» [7, с. 23].

Кроме того, в обстановке революционной борьбы, гражданской войны, голода и разрухи нравственное сознание общества также существенно снизилось, и те вещи, которые ранее были запретными и недопустимыми с точки зрения морали и нравственности, теперь становились вполне приемлемыми и совершаемыми повсеместно. Церковь по-разному пыталась реагировать на данную сложившуюся ситуацию. С одной стороны, церковное начальство и священнослужители использовали различного рода увещевания, обращения, разъяснительные проповеди, а с другой – достаточно часто принимали жесткие меры, связанные с отлучением от церкви, анафемой и другими видами церковного наказания и проклятия. «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые распри. Властью, данную нам от Бога, запрещаю вам приступать к тайнам Христовым. Анафематствую вас, если только вы еще носите имена христианские, и хотя бы по рождению своему принадлежите к Церкви Православной» [6, с. 74–76].

Со своей стороны новая государственная власть всячески способствовала как внутри церковному расколу, так и снижению авторитета церкви в обществе, применяя по отношению как к служителям церкви, так и к верующим широкий комплекс репрессивных действий.

Большевики считали Русскую православную церковь, по сути, главным идеологом контрреволюционных сил и с этой точки зрения она была ответственна за развязывание гражданской войны в стране. Об этом, в частности, писала передовица газеты «Правда» от 9 мая 1918 г. [9].

В особенности сильно репрессии осуществлялись в ходе военных действий, на фронтах гражданской войны, когда ожесточение сторон в ней достигало особенно острого накала. Так, например, гражданское противостояние на Юге России отличалось особой бескомпромиссностью.

Таким образом, религиозный вопрос представлял для новой большевистской власти чрезвычайно важный политический аспект, связанный как с нуждами внутренней политики, так и с общими идеологическими постулатами нового политического режима. С точки зрения большевиков, религиозное мировоззрение и ценности, связанные с Русской православной церковью, были совершенно неприемлемыми в новом социалистическом обществе и государстве, основанном на идеологии марксизма. Согласно ей, религия является той частью общественного мировоззрения, которая тесным образом связана с миром прошлого и с традиционным государством. Больше того, она является прямым конкурентом марксистским идеям о построении атеистического общества всеобщего равенства и счастья.

Поэтому существование в рамках одного общества и марксистских идей, материалистических и атеистических по своей природе, и религиозных ценностей в представлении большевиков было совершенно неприемлемым. В данном случае РПЦ выступала как прямой конкурент новой государственной власти в борьбе за умы и общественное сознание населения России. Кроме того, естественно, в представлении большевиков она тесным образом связывалась с традиционным имперским государством и была важной частью его институциональной структуры. Исходя из этого, ее предполагаемое разрушение было логическим завершением процесса революционного переустройства российского общества на новых марксистских началах. В данном контексте церковная организация, доставшаяся в наследство большевистскому правительству от традиционного русского государства, подлежала в идеале полному разрушению и ликвидации или по крайней мере в очень существенных функциональных ограничениях ее деятельности, т.к. добиться полного ее уничтожения, учитывая то, что значительная часть населения страны все еще сохраняет традиционное сознание и мировоззрение, в котором большое место отводится традиционным религиозным ценностям, представлялось затруднительным.

Первым шагом в ходе реализации данной политической линии было отделение большевиками церкви от го-

сударства, но все же такое разделение традиционного и революционного сознания в обществе они считали явно недостаточным и удовлетвориться этим вряд ли могли. Исходя из этого, все их последующие действия были направлены на дискредитацию церкви, подрыв ее авторитета в обществе, на ее внутренний раскол и на введение разнообразных ограничений в ее деятельности. Данная политическая линия последовательно реализовывалась большевистским правительством в первые годы советской власти. Ее следствием стало создание внутри РПЦ различных раскольнических групп и объединений, так называемой «живой церкви», «обновленцев» и т. д. Это должно было нарушить ее внутреннюю структуру и целостность, создать разнообразные альтернативы существующему церковному руководству, усилить внутри нее борьбу различных партий и направлений. Данный процесс должен был завершиться, по сути, церковным расколом и привести к полной дезориентации верующих, сторонников канонического православия и существующего церковного руководства. Деятельность большевиков в этом вопросе здесь в полной мере совпадала со стремлением некоторой части последователей РПЦ к внутри церковным реформам и к созданию новых форм религиозной жизни. С другой стороны, это привело к консолидации религиозных традиционалистов внутри РПЦ и к их попытке, с учетом сложившейся общественно-политической ситуации, возродить традиционные формы церковной жизни. Следствием этого стало про-

ведение Всероссийского Церковного Поместного Собора, возвращение церкви к патриаршеству и избрание нового патриарха. Но сложившаяся ситуация общественно-политического раскола, даже такая консолидация, объективно способствовала дальнейшему разделению сторонников РПЦ, выразившемуся в противостоянии ее традиционалистского и реформистского крыла.

Между тем, не удовлетворившись раскольническими действиями внутри церкви, большевики накладывали разнообразные ограничения на ее деятельность. Начались преследования священнослужителей, по отношению к ним стали применяться разнообразные репрессивные меры, причем в большинстве случаев совершенно не спровоцированные ничем и имеющие исключительно антирелигиозное значение. Широко практиковалось изъятие церковных ценностей и т. д. Конечно, по своей природе РПЦ была склонна поддерживать антиреволюционные силы в обществе, поскольку она действительно была тесно связана с традиционным русским обществом и прежней государственной системой. Но все же в подавляющем большинстве случаев преследование ее служителей и разнообразные ограничения, вводимые против ее деятельности, определялись идеологической доктриной большевиков и политической целесообразностью новой власти в России, которая пыталась построить общество совершенно нового типа, в котором религии в традиционных ее формах совершенно не оставалось место.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Судьба России: Сочинения. М. – Харьков: ЭКСМО-Пресс, Фолио, 1998. С. 479–726.
2. Воззвание Собора // Ставропольские епархиальные ведомости. № 10. 1918. С. 236–239.
3. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 3696. Оп. 1. Д. 2. Л. 209.
4. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 287. Л. 69–69 об.
5. ГАРФ. Ф. 353. Оп. 6. Д. 26. Л. 31–32.
6. Послание Святейшего Патриарха Тихона от 19 января 1918 года // Богословский Вестник. Сергиев Посад, 1918. Том I. Январь-Февраль.
7. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. СПб.: Азбука, 2001. 404 с.
8. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 89. Оп. 4. Д. 118. Л. 19.
9. Правда. 1918. 9 (22) мая.

© Беликова Наталья Юрьевна (belikova2003@mail.ru), Чикаева Карина Суменовна (chikaevakarina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»